

ВИКТОР МЕРЕЖКО

СОНЬКА ЗОЛОТАЯ РУЧКА — 5

Драма дочерей



ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 0

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
М52



Мережко В.

М52 Сонька Золотая Ручка — 5 : Драма дочерей / Виктор Мережко. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 300 с. — (Серия «Разум и чувства»).

ISBN 978-5-517-03499-1

Сага «Сонька Золотая Ручка» актера, режиссера и писателя Виктора Мережко (р. 1937) об истории жизни аферистки, королевы воровского мира 1870-х годов Софьи Блювштейн по прозвищу Сонька Золотая Ручка.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Мережко В. И., 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-517-03499-1

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 1910 год.

Ограбление банка было назначено на двенадцать дня.

Банк «Новый Балтийский» находился на углу Каменноостровского и Большого проспектов, и налет на него был рассчитан прежде всего на внезапность и внешнюю обыденность.

Подельники Таббы распределились следующим образом. Сотник и Хохол сидели в крытой пролетке на Большом проспекте, откуда отлично просматривался подъезд к банку. Два других товарища — Ворон и Аслан — расположились также в пролетке, но уже на Каменноостровском — совсем рядом с входом в банк, чтобы при возникшей погоне можно было вовремя подрезать преследователей.

Когда на Доме с Башнями часы пробили двенадцать, из Архиерейской улицы не спеша выкатил пятиместный черный лимузин, в котором, кроме шофера, располагались четыре человека — трое мужчин и молодая дама. Дама сидела на заднем сиденье между двумя в высшей степени прилично одетыми господами — Кистайцем и Жаком. Третий же господин — Беловольский, немолодой, с впалыми чахоточными щеками, — располагался рядом с шофером.

Сторожевые подельники, увидев автомобиль, напряглись, стали внимательно следить за происходящим.

Лимузин плавно подкатил ко входу в банк, два швейцара немедленно двинулись навстречу, помогая преду-

предительными жестами и подсказками верно найти подходящее место на стоянке.

Водитель подрулил прямо к главному входу и быстро покинул машину, чтобы помочь господам, а в особенности даме сойти на грязную и заснеженную мостовую.

Табба была в изящной меховой накидке, лицо ее закрывала плотная траурная кисея, под которой было почти невозможно разглядеть хотя бы какие-то особенности ее лица. Она была болезненно слаба, с двух сторон ее деликатно поддерживали Беловольский и Жак.

Оба были с усами и при изящных бородах.

Швейцар при входе с почтением поклонился. Господа, не обратив на него никакого внимания, проследовали в просторный и гулкий вестибюль. Поднялись по ступенькам роскошной лестницы в операционный зал, и к ним навстречу заспешил вышколенный, по-бухгалтерски худощавый банковский клерк с небольшой планшеткой в руке.

— Милости просим. Чего изволите?

Жак быстрым взглядом оценил охрану банка — двух крепких полицейских, с вежливой улыбкой объяснил служащему:

— Госпоже необходимо обналичить ценные бумаги на серьезную сумму.

— Подобные операции производятся только по предварительному заказу, — ответил клерк.

— Такой заказ был.

— На чье имя?

— На имя госпожи Виолетты Мишиц.

Клерк открыл планшетку, просмотрел записи.

— Да, подобный заказ имеется. Напомните, пожалуйста, насколько сумма велика?

— Сумма велика. Миллион рублей.

— Все верно. Кто будет проводить операцию?

— Операцию буду проводить я, — с печальной усмешкой произнесла Табба.

— Паспорт при вас?

— Паспорт, векселя и прочие ценные бумаги — все при мне.

— Следуйте за мной, — чиновник мило улыбнулся и направился в сторону высокой дубовой двери в дальнем углу зала.

Вся компания двинулась следом за клерком. Полицейские, находившиеся при входе, внимательно наблюдали за группой господ.

Клерк придержал шаг, объяснил:

— Со мной следует только госпожа. Господа же могут подождать в зале.

— Господин банкир, — просительно вмешался Беловольский, — сделайте исключение для мадам. Она вчера похоронила мужа, и состояние ее крайне тяжелое. В любой момент она способна потерять сознание.

Клерк в некотором замешательстве помялся, затем неуверенно попросил:

— Позвольте все-таки ваши бумаги.

Девушка, поддерживаемая Жаком, вялой рукой достала из саквояжа сложенные в солидную кожаную папку бумаги, протянула чиновнику. Он быстро и профессионально пролистал их, кивнул.

— Ну, хорошо, — вернул папку с бумагами обратно. — Но пройти с вами может только один господин. И находится он должен за дверью расчетной комнаты.

— Благодарю. — Табба жестом велела Беловольскому и Китайцу остаться, а Жаку распорядилась: — Вы пройдете со мной, граф.

Клерк пропустил Таббу в комнату, сам вошел следом, заперся изнутри. Расчетная комната была совсем небольшая и почти без мебели. В углу располагался объемный сейф, рядом с ним стол, два стула, на стене портрет императора.

— Присаживайтесь, — кивнул клерк на один из стульев.

Табба присела, поставила саквояж на колени, затем аккуратно набросила кисею на шляпу, открыв таким образом лицо. Правый глаз девушки закрывала широкая черная ленточка, завязанная на затылке.

От увиденного клерк на миг замер, затем коротко попросил:

— Пожалуйста ваши бумаги.

Девушка положила папку на стол. Чиновник вначале просто пересчитал их, затем стал изучать, время от времени бросая взгляд на посетительницу. Руки его мелко вздрагивали.

— Вас что-нибудь смущает? — поинтересовалась посетительница.

— Да нет, — клерк поднял на девушку глаза, повторил: — Ничего особенного, — и поднялся из-за стола. — Побудьте здесь пару минут.

— Сядьте, пожалуйста, на место, — негромко попросила Табба.

— Простите? — вскинул брови клерк.

— Сядьте. И откройте сейф.

— Это... шутка? — клерк был бледен.

— Это совет. — Девушка вынула из кармана меховой накидки небольшой револьвер, положила палец на спусковой крючок. — Сейф... Иначе я застрелю вас.

— В банке охрана. Вас не выпустят.

— Открывайте сейф. — Табба ловко обмотала оружие плотной тканью накидки. — Иначе я продырявлю вам голову.

Девушка нажала на спусковой крючок. Раздался едва слышный негромкий хлопок, и рядом с головой клерка образовалась в штукатурке дырка. Он от неожиданности отпрянул к стене, распластался на ней.

Жак, стоявший на стреме, услышал выстрел за дверью, тут же поправил правой рукой шляпу.

Беловольский и Безносый заметили условный жест, двинулись в сторону выхода.

Клерк тем временем дрожащими руками открыл оба замка сейфа.

— Извлекайте содержимое и складывайте все в саквояж. — Табба взвела курок.

Чиновник, сопя и потея, принялся вычищать сейф. Когда все деньги были извлечены, он застегнул саквояж, с трудом поднял его на стол.

— Все. До копейки.

Посетительница аккуратно собрала принесенные ценные бумаги, сунула их во внутренний карман накидки.

— Впустите моего человека. И, пожалуйста, без шума.

— Я вас узнал, — пробормотал клерк. — Вы в розыске, мадемуазель. Ваш фотоснимок... с черной повязкой... прислан из полиции. Вы рискуете, мадемуазель.

— Вы больше. Откройте дверь, иначе я сделаю это без вашей помощи.

Клерк на ватных ногах подошел к двери, не сразу попал ключом в замочную скважину, жестом позвал Жака.

Тот быстро протиснулся в комнату, ловко подхватил тяжеленный саквояж.

Табба набросила на лицо кисею, строго и с достоинством посмотрела на бледного клерка:

— Начальство оценит ваше редкое умение работать с клиентами, — и попросила: — Пожалуйста, ключ от двери.

— Зачем?

— Я запру вас. От греха. Ключ!

И вдруг клерк в прыжке вцепился в протянутую руку.

— Караул!.. Грабят!

Жак оттолкнул его, схватил Таббу, рванул к двери.

— Грабители! Держите! — орал клерк.

Он бросился следом, Жак с силой захлопнул дверь, от полученного удара тот рухнул на пол.

Табба и Жак выскочили в зал.

К расчетной комнате тяжело бежали полицейские.

— Всем стоять! — заорал Китаец, выхватывая револьвер. — Не двигаться!.. Ограбление!

Жак прикрыл собой девушку, перехватил саквояж с одной руки в другую, тоже достал револьвер.

— Стоять! Будем стрелять!

Полицейские на миг замерли, и тут им наперерез выскочил Беловольский.

— Всем на пол! Лежать! — Предупредительный выстрел в потолок. — Никому не двигаться! На пол, господа!

Публика в зале завизжала, бросилась врассыпную, некоторые попадали на пол.

— Полиция, не стрелять!.. Бросить оружие! — продолжал неистово блажить Китаец. — Иначе кровь!.. Оружие на пол!

Один из полицейских застыл в растерянности, второй же вдруг выхватил из кобуры револьвер, но выстрелить не успел — Беловольский нажал на спуск, и блюститель закона неуклюже ткнулся в пол.

Первый полицейский отбросил оружие, поднял руки вверх.

— Уходим, господа! — махнул Беловольский Таббе и Жаку. — Все хорошо, уходим! — И предупредил находящихся в зале: — Никто не двигается! Иначе стреляем!.. Спокойно!

Грабители, пятясь и не сводя глаз с зала, дотолкались уже почти до выхода, как вдруг из дубовой двери выскочил очухавшийся клерк, истошно заблажил:

— Держите!.. У них полтора миллиона!

Докричать он не успел.

Беловольский мгновенно перевел на него револьвер, и чиновника отбросило к стенке.

Грабители выскочили из банка, едва не сбили с ног ничего не понявших швейцаров, бросились к автомобилю.

Первой в салон запрыгнула Табба, затем все остальные, и водитель изо всех сил вдавил педаль газа в пол.

Машина с ревом рванула с места.

За их спинами послышались свистки, выстрелы; автомобиль с визгом вырулил от банка на Каменноостровский проспект и понесся по нему в сторону Большого.

За грабителями мчались Ворон и Аслан. А чуть поотстав — пролетка с Сотником и Хохлом.

Прохожие в недоумении шарахались по сторонам, встречные экипажи резко тормозили, едва успевая уступить дорогу автомобилю и пролетке.

Машина с грабителями вырулила на Большой, с визгом шин свернула в ближний переулок, с ходу влетела под широкую арку, где в пустом дворе поджидала черная карета.

Табба вместе с Беловольским выпрыгнули из автомобиля, бросились к карете. Захлопнули дверцы, и карета понеслась со двора.

Миновали несколько улиц, выехали на Дворцовую набережную, покатали по ней. Спустя какое-то время свернули на Миллионную, где стояла еще одна пролетка.

...Спустя полчаса пролетка подкатила к воротам дома Брянских на Фонтанке. Табба покинула ее и, кутаясь в легкое полупальто, направилась к калитке.

Новый привратник Илья, улыбчивый и по-деревенски простоватый, с готовностью побежал открывать, разулыбался, раскланялся:

— Милости просим, мадемуазель. Что ж вы так налегке, озябнете!

Бывшая прима не ответила и зашагала ко входу в дом.

В доме на главной, парадной лестнице ей навстречу вышел тощий, с вечной подозрительностью на лице